

Впервые П. Т. Гелиодор увидел говорящее животное, когда ему было десять лет. Случилось это ветреным днём в конце октября 1834 года в конюшне мистера Петтигифера.

— Чего стоишь такой угрюмый? Лучше бы грязь вычистил, — сказал конь.

П. Т. Гелиодор не нашёлся что ответить.

На самом деле он был вовсе не угрюмый. Просто у него лицо было такой формы — немного вытянутое, как у матери, и сужающееся книзу.

П. Т. не был ни конюхом, ни помощником конюха, а всего лишь сыном конюха, но он послушно схватил лопату и принялся сгребать навоз. И работал не поднимая головы, пока солнце не село, а конюшня не засверкала, как кухня в доме Петтигиферов.

Прежде чем уйти, он вопросительно глянул на говорившего с ним коня по кличке Гидеон.

— Парень, может, хватит уже паяться? — спросил Гидеон.

П. Т. в ответ залился смехом.

Позже ему доводилось слышать, как говорили совы, уж, синяя корова, которую он перегонял в Нью-Йорк, жук и пёс по кличке Мизинец.

Воображение у П. Т. Гелиодора было богатое и обширное — как штат Коннектикут.

Он не только разговаривал с животными, но и к тому же воображал, что его отец, Майлус Гелиодор, — король. А Никель-Айленд — королевство.

И что у Алисы Петтигуфер зелёные волосы. И не просто зелёные, а зелёные, как свежераспустившиеся весенние почки. И что она умеет летать. Да-да, именно летать — Алиса Петтигуфер!

Потому что она Пушинка.

Там, где располагался городок Согатак в округе Аспинок, жили когда-то индейцы племени мохеган. В лесах ещё сохранилось их кладбище. Индейцы считали это место священным, а белые бежали от него как от чумы, опасаясь всевозможных несчастий, потому что мохеганы, которых вынудили покинуть родные края, проклинали захватчиков. В Согатаке проживало около тысячи человек, почти все они были фермерами. Земля там была каменистая, а скалы такой крутизны, что у заезжих людей начисто отпадало желание переселяться в Согатак, да и сами жители городка не отказались бы убраться оттуда подальше.

Городок пересекала большая Коннектикутская дорога. Пользовались ею редко, но когда переправляться

по реке Коннектикут становилось невозможно, путешественникам и торговцам ничего иного не оставалось, и они, бранясь, сворачивали в объезд. По такому случаю сонный городок оживал, его наводняли телеги, лошади, слышались разговоры, а иногда и выстрелы: отличное развлечение для мальчишек вроде П. Т. Гелиодора.

Когда начинались сильные дожди, улицы развозило, и чтобы элегантные дамы, такие как миссис Генриетта Петтигуфер, могли пройти, не испачкав туфель и подолов, сооружались деревянные настилы.

Дома в Согатаке строили в основном из дерева: из-за щелей между досками летом в них было жарко, а зимой холодно. Иногда они загорались от упавшей свечки или от непрочищенного дымохода. Самый красивый дом принадлежал, конечно же, Уолдо Петтигуферу, богатейшему человеку в округе Аспинок. Кроме дома, Уолдо владел сотней акров земли, рекой, двумя прудами и лесом, в котором росли клёны и берёзы.

Дом Гелиодоров выглядел самым скромным и простым среди множества других таких же скромных и простых домов; однако П. Т. повезло: он часто навещался в усадьбу Петтигуферов, в доме у которых было двадцать семь спален, девять уборных и большие гостиные. Отец П. Т., Майлус Гелиодор, работал у Петтигуферов конюхом. Это была очень ответственная работа. Он ухаживал за всеми лошадьми, в том числе за тремя чистокровными конями кентуккийской породы, которых мистер Петтигуфер тренировал для скачек

(одним из кентуккийцев был говорящий конь Гидеон). Своему конюху мистер Петтигүфер платил восемь долларов в неделю, сущие гроши. Шахтёр зарабатывал двадцать долларов в неделю, а рабочий — двадцать пять. Но Майлусу нравились лошади, и он считал работу конюхом временной, потому что лелеял мечту: открыть лавку, где бы продавались уздечки, сёдла, щётки и прочие подобные предметы для ухода за лошадьми.

Мать П. Т., миссис Оливия Фридберг (немка по происхождению), тоже работала у Петтигүферов: она была горничной миссис Генриетты и получала ещё меньше мужа, четыре с половиной доллара в неделю.

Всем, конечно, хотелось работать в таком красивом и роскошном месте, как усадьба Петтигүферов. Но всем были знакомы и крутой нрав мистера Петтигүфера, и его скупость, и вечное недовольство его супруги, и заскоки их полоумных сыновей, Сэмюэля и Калеба Петтигүферов. Так что если половина жителей Согатака и завидовала Гелиодорам, которым удалось так удачно устроиться, то вторая половина сочувствовала им по той же причине.

* * *

П. Т. Гелиодор был обычным мальчишкой тринадцати лет от роду, каких и тогда было множество в тех краях.

Как и другие мальчишки, он ходил в школу только в плохую погоду и обходился одной парой поношен-

ных ботинок. Как и другие, хорошо ловил щук и сомов и таскал карамельки из лавки старого Диббла, слепого на правый глаз. У мистера Диббла однажды случился удар, и у него перекосило лицо. Одна половина его лица выглядела на сорок лет, а вторая на восемьдесят. Мальчишки в Согатаке называли его Двумицый Диббл.

П. Т. был вторым по старшинству из пятерых детей в семье, притом единственным мальчиком, остальные были сёстры: Эрма, Сельма, Вельма и Тельма (последние две — близняшки) — четырнадцати, одиннадцати и семи лет. Жить среди девочек было непросто, но П. Т. привык, как привыкал ко всему: к мозолям на ногах, к болям в животе, если переест карамелек, к пиявкам, если долго купаться в пруду Квинебааг. (Как-то раз пиявка присосалась к самому сокровенному месту П. Т., и ему стало совсем худо; мать полила пиявку желудочным соком коровы и сняла её. П. Т. тогда было ужасно стыдно.)

Женщины в его семье отличались говорливостью — все, кроме матери, миссис Оливии Фридберг. Она редко открывала рот, иногда даже реже дяди Сайруса, хоть в это и трудно поверить.

Миссис Оливия Фридберг была женщиной миниатюрной, подвижной и живой — казалось, будто она вечно куда-то спешит. Всё у неё выходило бойко и спорно, и когда доходило до наказания детей за какой-нибудь проступок, она тоже не мешкала. Оливия вышла замуж за единственного парня, с которым встречалась,

Майлуса Гелиодора, тем более что других женихов не нашлось. Майлус, может, и не был человеком большого ума, но зато у него было доброе сердце, он вовремя мылся и выпивал всего пару раз в месяц. Оливии Фридберг этого хватило, чтобы выйти за него замуж и родить пятерых детей. Вряд ли он стал великой любовью её жизни, но она не считала себя несчастной, а в те времена даже такое встречалось нечасто.

Сто лет назад, в колониальные времена, Гелиодоры были землевладельцами и мало чем отличались от Петтигуферов. Но двоюродный дед Майлуса Эдмунд Т. Гелиодор обожал играть в карты, причём ему ужасно не везло. Он умудрился промотать всё состояние и чуть ли не пустить наследников по миру. Единственная оставшаяся у Гелиодоров земля лежала по ту сторону болота и называлась Никель-Айленд — Никелевый Остров.

П. Т. никогда там не бывал, потому что те места считались опасными. Можно было заблудиться, или встретить нехороших людей, или нарваться на диких зверей. Чтобы дойти до Никель-Айленда без риска, нужны были проводник и оружие. Говорили, там живут странные люди, которые без колебаний перережут горло за пару монет.

— Когда ты повзрослеешь, — часто говорил ему отец, сидя на крыльце с кукурузной трубкой в зубах и в соломенной шляпе набекрень, — когда вырастешь, Никель-Айленд станет твоим, поскольку ты мой единственный сын. Ты станешь королём этой земли.

Обычно под конец таких разговоров Майлус Гелиодор улыбался, улыбался и его брат Сайрус, который так и не женился и потому жил с ними. Братья даже не переглядывались, словно в этом не было нужды — словно они хранили тайну, которую младшему Гелиодору знать пока что не следовало.

Но от таких слов П. Т. вдруг сразу становился будто бы выше, расправлял плечи, щёлкал подтяжками на груди и забавно ходил взад-вперёд, точно павлин перед самкой.

«Что я буду делать с такими деньжищами? — часто думал он. — Я стану богаче мистера Петтигугфера? И буду жить в таком доме, где окон больше, чем уборных?»

Он решил, что перво-наперво освободит говорящего коня Гидеона и поселит его в одну из комнат. Ему казалось, конь этого заслуживает. А потом купит сёстрам сладостей у старого Диббла. Нет, лучше украдёт, как обычно. Зачем что-то покупать, если можно получить это бесплатно?

Так день за днём, месяц за месяцем П. Т. ждал, когда он станет королём Никель-Айленда, ловил щук и сомов, лениво выполнял поручения родителей, а когда кто-то называл его «голодранцем» или другими подобными словечками, гордо отвечал: «Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним». Эту пословицу он часто слышал от отца, который произносил её загадочно, словно ему одному в мире известна некая тайная

истина. И было совершенно непонятно, почему люди, услышав название «Никель-Айленд», заливались смехом. Всегда.

Как-то раз один приятель из компании П. Т., Маллиган по прозвищу Дикарь-Одиночка, — грубиян, которого, кстати, многие побаивались, — заявил, что Никель-Айленд — просто-напросто никому не нужная богом забытая дыра. П. Т. набросился на него с кулаками. Они подрались у церкви преподобного Хайтауэра, и на этом их дружбе пришёл кровавый конец.

«Когда вырастешь, Никель-Айленд станет твоим».

Несколько лет П. Т. довольствовался этим обещанием, и этого ему было вполне достаточно.

А потом отец поранился ржавым гвоздём, и всё изменилось.

Это случилось в понедельник, когда отец приводил в порядок конюшню. Он напоролся тыльной стороной ладони на гвоздь, торчавший из старой доски.

В следующий понедельник, несмотря на ромашковые примочки, которые делала отцу старшая дочь Эрма (знавшая кое-что о лечебных свойствах растений), рана не зажила и выглядела скверно.

— Ерунда, — сказал Майлус Гелиодор, успокаивая Эрму.

Во вторник, однако, его сильно лихорадило.

В среду у него начались головные боли.

В четверг отец отказался от еды, объяснив: «Н-не-м-мо-гу-ес-с-ть!»

В пятницу он начал улыбаться. Никто не знал, чему он улыбается: ведь, судя по его серому измученному лицу, вряд ли ему было так уж весело.

В субботу он умер.

В воскресенье были похороны.

Мистер и миссис Петтигуфер не пришли — как они сказали, из-за сильной жары.

Все остальные присутствовали, в том числе управляющий мистера Петтигуфера Джим Класки, громадный человек с длинными усами, и старый Двумицый Диббл — который наблюдал за церемонией, отвернувшись на три четверти и обратив ко всему обществу свой здоровый глаз.

Эрма, Сельма, Вельма, Тельма и миссис Оливия были в чёрном. Оливия сшила себе и дочерям платья из суконных попон, которыми Уолдо Петтигуфер укрывал скаковых лошадей после забегов. Отдав Оливии чёрные попоны, Уолдо Петтигуфер тут же купил себе новые, синего цвета, с вышитыми золотом инициалами «У. П.». Чёрное сукно стало единственным возмещением, которое Уолдо Петтигуфер определил семье Гелиодор после смерти своего работника.

Кто-то говорил, что от миссис Оливии и её дочерей на похоронах слишком сильно пахло лошадьми и конюшней, но ведь речь шла о семье конюха, так что никто не придавал этому особого значения.

П. Т., которому в то время было тринадцать лет три месяца и шестнадцать дней, безучастно наблюдал за по-

хоронами, не уронив ни единой слёзы, повторяя про себя, что в этом убогом деревянном гробу не его отец. Его отец вернулся на Никель-Айленд, в своё королевство. И там однажды П. Т. с ним встретится. Хоронят же сейчас не отца, а мистера Свитчайлда, которому полтора года лет, а он всё никак не умирал, хотя вечно твердил, что страдает от множества тяжких недугов.

В тот скорбный майский день, под кроваво-красными облаками, рваными, точно кроны раскидистых дубов, П. Т. пришла в голову мысль, которой он сначала застыдился, но позже она показалась ему хорошей — ведь хоронили не его отца, а старого Свитчайлда.

Мысль заключалась вот в чём: теперь он унаследует Никель-Айленд.

И он улыбнулся этой мысли.

Мать тут же дала ему затрещину.

Близняшки Вельма и Тельма хихикнули. И тоже получили по оплеухе.

— Прекратите бить детей! — вмешался раздражённый пастор, преподобный Бенджамин Хайтауэр из пресвитерианской церкви. Он не ладил с женой и потому страдал разлитием желчи и был вечно в дурном расположении духа. — У нас похороны!

Миссис Оливия, кивнув, сухо сказала:

— Знаю. В этом гробу лежит мой муж.

— Неправда! — возразил П. Т. — Мой отец на Никель-Айленде, охотится на оленей. А в гробу мистер Свитчайлд.

Именно после этих слов многие начали думать, что у П. Т. Гелиодора не всё в порядке с головой. И следовавшие события только укрепили их в этом мнении.

* * *

— Пойдём туда завтра, — сказал дядя Сайрус тем же вечером, прервав тишину, нарушаемую лишь стуком столовых приборов.

В доме было сыро и голо, на потолочных балках темнели пятна мха. Семья Гелиодор вместе с дядей Сайрусом ужинала за столом при слабом свете масляных ламп, вокруг которых звенели насекомые. Стул Майлуса пустовал, но стояла тарелка с приборами, словно он мог войти в дверь в любой момент.

— Куда? — спросил П. Т., не отрывая взгляда от супа.

— Куда? — спросили близняшки.

— Нет, только он, — ответил дядя Сайрус.

— Только я — что? — спросил П. Т. растерянно.

— А нам почему нельзя? — заныли близняшки.

— Потому что теперь он мужчина в доме, — терпеливо объяснил дядя Сайрус. — Он и пойдёт.

— Куда пойдёт? — спросила Сельма.

— На Никель-Айленд, — ответил дядя Сайрус.

П. Т. распахнул глаза и рот, капля супа потекла по губам и шлёпнулась в тарелку со звуком первой дождины перед грозой.

— Правда?

— Я не согласна, — сказала Эрма, которая никогда ни с чем не соглашалась.

— И мы не согласны, — сказали Вельма и Тельма. И рассмеялись. Близняшки не всегда понимали, о чём говорят взрослые, но такова уж была их натура — они часто смеялись и всегда одновременно.

— Он пойдёт один, — сказала миссис Оливия. Больше она ничего не добавила, но этого хватило, чтобы положить конец спору.

На следующее утро, на рассвете, дядя Сайрус без особых церемоний сдёрнул с П. Т. одеяло и спихнул племянника на пол. П. Т. только что заснул: всю ночь он мечтал, строил планы, составлял списки вещей, которые купит на вырученные от продажи владений деньги, — и вдруг очутился на полу.

— Ай!..

— Пора, — сказал дядя Сайрус, сплюнув рядом с П. Т. комок жевательного табака, свой первый завтрак.

Дядя Сайрус, в отличие от своего брата Майлуса, был высоким и тощим, как засохшее дерево, но силы в нём было как у двоих. Его руки, длиной по колено, походили на свисающие с ветвей верёвки, и, когда он шёл, они раскачивались. Он был грубоват и неразговорчив; иногда они с матерью П. Т. могли сидеть за одним столом больше часа, лущить фасоль или плести корзины из тростника, шить и резать по дереву — и не обменяться за всё время ни словечком, ни даже звуком. Молчали. Словно слова стоят денег и не следует растрачивать их попусту.